

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

(АМЕРИКАНСКАЯ ОХРАНКА В ДЕЙСТВИИ)

П. В. Костин

Газеты, которые мы читаем сегодня, сообщают: «Директор Федерального бюро расследований США Э. Гувер в докладе Конгрессу предупреждает о возрождении коммунистической опасности в стране»; и тут же рядом: управляющий делами чикагской штаб-квартиры прогрессивной молодежной организации «Клубы имени Дюбуа» заявил, что в Чикаго украдены списки членов и секретные досье организации. «Поскольку ценное имущество осталось нетронутым, то совершенно ясно, что целью этой кражи,— говорится в заявлении,— был захват списков с именами и адресами членов нашего клуба, чтобы подвергнуть их репрессиям в будущем». Но возьмите газеты пятидесятилетней давности, и с их пожелтевших полос на вас снова глянут почти те же заголовки: «Э. Гувер предупреждает о заговоре красных!»; «Агенты Бюро расследований совершили рейд на штаб-квартиру радикалов и конфисковали все имущество» и так далее в том же духе. Изменился мир, родилась и успешно укоренилась новая социальная действительность, человечество пережило вторую мировую войну. Но неизменной осталась традиция особой подозрительности правящего класса США в отношении тех общественных сил, которые своим существованием бросают вызов его господству. И чем настойчивее становилась в отдельные периоды борьба этих сил против эксцессов капиталистической эксплуатации или же в защиту гражданских свобод, тем ожесточеннее было противодействие, сразу же обнаруживающее связь между своекорыстными интересами капитала и правительственной политикой. Эпоха, рожденная Октябрем 1917 г. и обнимавшая первые 5—6 лет послевоенного развития, отмечена именно такой определенностью в линии поведения государственного аппарата США, нацеленной прежде всего на подавление рабочего движения, в котором всегда усматривали главную и самую значительную угрозу незыблемости буржуазного правопорядка. Много хранит память. Однако в самое последнее время были выявлены и преданы гласности важные факты о политике репрессий и тайного удушения, прово-

дившейся правительством США в отношении рабочего движения (в особенности его левого крыла) в первое десятилетие после тех памятных дней, когда буржуазный мир был обожжен «большевистским огнем» (Джон Рид). Тем самым был пролит новый свет на приемы тайного политического сыска, ставшего со времени первой мировой войны частью всей государственной практики в США.

Разумеется, самые серьезные доказательства безнаказанного произвола американской секретной службы схоронены в архивах Федерального бюро расследований (ФБР), канцелярии ее многолетнего шефа Элгара Гувера или задержаны полицейской цензурой¹. Но многое прорывается наружу. В 1950 г. М. Ловенталь опубликовал свою книгу о ФБР, основанную по преимуществу на данных официальных расследований, воссоздающую картины таких действий, которые можно квалифицировать как преступления в защиту «порядка». Новая книга о ФБР, написанная известным публицистом Ф. Куком, может быть поставлена в один ряд с работой Ловенталя, к тому же они обе построены на одинаковом материале. Историк Р. Мэррей в своей хорошо аргументированной работе «Красный ужас. Исследование массовой истерии, 1919—1920 гг.», опираясь главным образом на прессу того времени, рассказал о событиях в плане социальной психологии. Однако над выводами Мэррея излишне довлечет идея пуританской нетерпимости, существовавшего якобы искони патологического синдрома ярости у истинных американцев ко всему тому, что выходит за пределы их доморожденных представлений о добропорядочности, патриотизме и святости гражданского долга. Наконец, особо должен быть отмечен выход в 1963 и 1964 гг. исследований двух молодых американских историков — У. Престона и Р. Фрайдхейма (первого — о преследованиях в США за радикальные убеждения в 1903—1933 гг. и второго — об истории всеобщей стачки в Сиэтле в 1919 г.). Обе эти работы, хотя и не претендуют на широкие обобщения, особо выделяются тем, что своим фактическим материалом, почерпнутым в Национальном архиве США, в фондах военного ведомства, ряда правительственных учреждений, освещают проблему с той ее стороны, которая обычно оставалась в тени, и тем самым вскрывают несостоятельность попыток списать насильственное подавление демократических свобод целиком за счет бессознательного процесса, мани преследования, полуразумных действий. Фрайдхейм и в особенности Престон волей или неволей показывают подлинных вдохновителей той атмосферы, в которой проявляются социальные предрассудки, предубеждения и злоба и быстро увядают цветы «демократического либерализма» и конституционные мифы².

Дополнением ко всем этим материалам могут служить обнаруженные нами в Национальном архиве США документы из фондов Бюро посредничества министерства труда, действовавшего часто рука об руку с ФБР в попытке мерами полицейской строгости подавить инициативу левого крыла рабочего движения. Эти материалы, приводимые здесь в ряде случаев полностью, хотя и не отличаются желаемой систематичностью, тем не менее, безусловно, находят свое место в историческом повествовании о складывании тех общих условий, в которых и в наши дни протекает борьба американских рабочих и всех демократических сил США; они существенно пополняют наши представления о нравах «службы» внутренней безопасности в США, способной вкупе с экстремистскими элементами навязать большей части общества на достаточно длительный срок тот извращенный образ мышления, который выдается за здравые принципы стопроцентного американизма.

Ранней весной 1940 г., когда Америка все еще переживала просвещенную эру «нового курса», внимание читающей публики на какое-то время было приковано к словесной дуэли между известным историком Мэри Бирд и юрисконсульту министерства юстиции Александром Холдвом по поводу ответственности директора ФБР Гувера за незаконные действия в 1919—1924 гг., выразившиеся в массовых арестах и преследованиях американских рабочих на основании вымышленных и несостоятельных обвинений в «заговорщической деятельности», «непатриотических побуждениях» и т. д. Дело было как будто давнее, но внезапно всплывший на поверхность политической жизни вопрос, как оказалось, задел за живое слишком многих. Напомнив о прошлой деятельности Гувера в качестве одного из инициаторов печально знаменитых «пальме-

¹ Архивы министерства юстиции США, относящиеся к тому аспекту его деятельности, которая затрагивается в настоящем очерке, до сих пор недоступны даже для американских историков (см. John S. Smith. Organized Labor and Government in the Wilson Era, 1913—1921: Some Conclusion. «Labor History», Fall 1962, Vol. 3, № 3, p. 285). Исключение составляет лишь разновидность писателей, сочиняющих рекламные произведения типа официальной «истории» ФБР Уайтхеда (см. Don Whitehead. The FBI Story: A Report to the People. N. Y. 1956).

² M. Lowenthal. The Federal Bureau of Investigation. N. Y. 1950; R. K. Murray. Red Scare: A Study in National Hysteria 1919—1920. Minneapolis. 1955; F. J. Cook. FBI—Nobody Knows. N. Y. 1964; W. Preston. Aliens and Dissenter. Federal Suppression of Radicals, 1903—1933. Cambridge (Mass.). 1963; R. L. Friedheim. The Seattle General Strike. Seattle. 1964.

ровских облав» и антидемократических погромов, г-жа Бирд заявила, что ФБР вновь становится угрозой традициям американской демократии благодаря возобновлению по инициативе Гувера его прежней практики. Со своей стороны, принимая вызов, м-р Холцов не ограничился сухим опровержением, а дал выход негодованию человека и честного служаки, оскорбленного до глубины души несправедливыми обвинениями, которые, по его словам, чернили «величайшего идеалиста», являющегося собой «лучший» пример правительственного чиновника, человека с тонкой «артистической душой», «чрезвычайной чувствительности» не только в личном плане, но и по отношению к тем, кого он «вынужден был сажать за решетку». По мнению м-ра Холцова, святое имя этого джентльмена могли трепать только недостойные завистники и те, кто не в уголовным кодексом.

Но г-жа Бирд была историком и в силу принадлежности к цеху историков общим фразам предпочитала достоверные факты. А факты свидетельствовали только об одном: Эдгар Гувер в 1919 г. стал руководителем Главного расследовательского отдела (политическая полиция), руками которого и была проведена самая грязная работа. Холцов в своей реплике отрицал эти факты и вновь подтвердил свое заявление о не причастности Гувера к арестам «так называемых радикалов» в 1919—1920 годах. Грехи Пальмера и Догерти (сменивших друг друга на посту министра юстиции в кабинетах Вильсона и Гардинга), утверждал Холцов, не могут запятнать чистую совесть Гувера, который лично даже был противником курса на репрессии, и т. д. 7 мая 1940 г. М. Бирд опубликовала тщательно подобранные ею исторические доказательства, подтверждающие прямое участие Гувера в организации облав и тайной слежки за рабочими союзами, общественными группами и частными лицами с левой репутацией. Бирд приглашала Холцова прокомментировать эти факты. Однако последний уклонился, сославшись на истинность и окончательность выдвинутых им ранее доводов. В этом и только в этом смысле последнее слово осталось за Холцовом. А сразу же после войны в печати появились многочисленные сочинения, призванные убедить американцев в величии миссии ФБР, в высоких чувствах и гражданской отваге Э. Гувера и в необоснованности нападков на него. Вся эта литература была рассчитана прежде всего на способ мышления, свойственный обывателю «с туго набитым кошельком, сытой добродетелью и платежеспособной моралью»³. Но нельзя сбрасывать со счетов ее воздействие и на обывателя, в воображении которого создавался образ героических невидимок из ФБР, суперменов, до конца преданных национальным целям и всегда смело преследующих темные силы зла.

Так кто же ошибался или, что хуже того, писал явную неправду? М. Бирд или доверенное лицо всемогущего шефа ФБР — А. Холцов? Действительно ли политическая полиция в США всегда и неизменно стремилась ограничивать свою деятельность благочестивыми рамками буржуазной законности и лишь в исключительных случаях нарушала эту традицию? Касалась ли эта деятельность только случаев неповиновения закону, или столь же часто представляла собой незаконное «принятие мер» в отношении общественных движений и индивидуальных граждан, уличенных в нежелательности по какому-то особому нравственному и политическому кодексу, существующему независимо от конституции?

Механизм контроля за радикальными движениями в масштабах всей страны и федеральная система тайного дознания сложились в США практически незадолго до первой мировой войны. Ранее эти функции, так сказать, в пределах своего околотка осуществляли власти штатов, опиравшиеся на полицию и национальную гвардию, а также весьма разветвленная сеть частных сыскных бюро, всегда готовых предложить свои услуги предпринимателям. Структура федеральных правительственных учреждений не предусматривала специальной службы тайной полиции. Первыми, кто осознал это упущение, были президент Теодор Рузвельт и его энергичный министр юстиции Чарльз Бонапарт — внучатый племянник венценосного правителя Франции. Оба эти деятеля, достаточно неприсохливые в выборе средств, когда речь шла о достижении поставленных ими целей, столкнувшись с нежеланием Конгресса удовлетворить их представления о создании федеральной секретной службы, попросту решили не считаться с мнением законодателей. Летом 1908 г., когда Конгресс был распущен на каникулы, правительство втихомолку учредило при министерстве юстиции Бюро расследований. Последнее, таким образом, претендуя на роль блюстителя законности, не может похвастаться чистотой собственного происхождения, будучи созданным в обход конституционных порядков. Но первоначально поле деятельности Бюро было ограничено борьбой с уголовными элементами и слежкой за настроенными недружелюбно к правительству конгрессменами, докучавшими Белому дому критикой и нравоучениями. Вскоре, однако, для жандармерии в штатском нашлась работа поважней.

Накануне первой мировой войны политический небосклон в США, никогда не остававшийся безоблачным, заволокло тучами. Классовые столкновения становились все ожесточеннее. Особенно симптоматичен был рост влияния среди рабочих Социалистической партии и революционного синдикализма. Деятельность Индустриальных рабочих мира (ИРМ) вызывала особую озабоченность как у капиталистов, так и у федеральных властей. В ответ на активизацию рабочего движения буржуазия прибегала к «жестким» мерам в борьбе с ними. Первая интенсивная кампания по прочесыванию

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 155.

рядов рабочего движения с использованием новых возможностей, открывшихся благодаря созданию централизованной системы внутреннего шпионажа, была предпринята правительством в Калифорнии в ответ на отчаянный призыв местных толстосумов поставить преграды распространению революционного синдикализма среди самой обездоленной части американских трудящихся — рабочих-мигрантов. Именно здесь впервые довольно широко были использованы федеральные шпики «в интересах порядка», агенты-provокаторы, с некоторых пор числившиеся на государственной службе по ведомству министерства юстиции. На годы «кампании готовности» и участия США в мировой войне (1915—1918 гг.) приходится самые значительные попытки реакции на местах в сотрудничестве с правительством отсечь от рабочего движения его передовой отряд, обвинив социалистов и революционных синдикалистов в злонамеренности и предательстве национальных интересов. Эта вспышка реакционности американской буржуазии была вполне закономерна. Именно в такие периоды, как писал К. Маркс, общая склонность буржуазии к варварству «приобретает методический характер, безнравственность возводится в систему, беззаконие находит своих законодателей, а кулачное право — свои кодексы»⁴. В недрах американского общества возник рецидив того явления, которое М. Твен в свое время справедливо называл «лживым патриотизмом» биржевых спекулянтов. На этой почве, созданной провозным иступлением крупной буржуазии, твердо знавшей, что она хочет, свободу рук получило многочисленное племя самозванных рыцарей внутренней безопасности, понимаемой главным образом как свобода от всякого социального протеста, от наклонностей к осуждению или даже порицанию правительства и Уолл-стрита, от всяких вольнодумных рассуждений на тему антигуманистической сути мира наживы.

Что касается правительственной политики, то, отпрявляясь от антирабочего законодательства, принятого после убийства в 1901 г. президента Мак-Кинли анархистом, она ушла далеко по пути всемерного ограничения допустимых для США свободы убеждений и свободы действий и связала себя с доктриной «депортации мятежа». Эта доктрина нашла свое воплощение в ряде законов и правил, направленных против иммигрантов и определивших категорию лиц, подлежащих принудительной высылке как «бациллоносителей» радикализма. Прямым доказательством политической неблагонадежности с момента вступления США в войну считалось исповедание пацифистских или, еще хуже, открыто антиимпериалистических взглядов на происхождение и характер мировой войны. В июне 1917 г. принимается так называемый закон о шпионаже, с самого начала использованный для борьбы с прогрессивными силами. В 1917—1920 гг. в 23 штатах были приняты «законы о мятеже», являвшиеся вершиной классового законодательства, применяемого исключительно против левых течений в рабочем движении. Важнейшим аспектом этого свода антирабочих законов явилось то, что он давал возможность правительственным и судебным чиновникам отказываться от объективной интерпретации конституции в делах, связанных с трудовыми конфликтами в промышленности, и руководствоваться чисто политическими соображениями. «Правда состоит в том, — говорил известный американский юрист З. Чедди-младший, — что формулировки законов о мятеже подобны надписям на мече. Главное — это оружие. Как только оно попало в руки людей, находящихся у власти, эти люди, игнорируя то, что на нем написано, смогут разить им всякого, чьи устные или письменные выступления, не встретившие массовой поддержки, покажутся им недопустимой критикой их политики»⁵.

Объектом яростной атаки стали социалисты и члены союзов ИРМ. Последние заслужили особую ненависть возрождением своей былой активности в лесной, угольной, строительной отраслях промышленности, среди сельскохозяйственных рабочих на Среднем Западе и в штатах Тихоокеанского побережья. В секретном письме на имя министра внутренних дел в правительстве В. Вильсона губернаторы штатов Калифорния, Орегон, Вашингтон и Юта настоятельно рекомендовали президенту в конфликте с рабочим движением прибегнуть к массивному применению того вида оружия, которое уже было опробовано на плантациях Калифорнии, — к подрыву рабочих союзов изнутри, к тайному выслеживанию и «обезвреживанию» лидеров, раскрытию планов отдельных пролетарских выступлений и т. д. «Положить конец деятельности этих лидеров (руководителей ИРМ. — П. К.), — говорилось в письме, — опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении силы, практически невозможно, поскольку их активность наблюдается на территории многих штатов... Используя же аппарат федеральных властей, контролирующих всю территорию, центральное правительство сможет подорвать под корень это движение... Чрезвычайный характер сложившегося положения требует соблюдения абсолютной секретности»⁶. Правительство не осталось глухим к этим просьбам. Его отзывчивость материализовалась в наделении функциями контроля за рабочим движением целого ряда правительственных организаций и лиц — от отделов трудовых отношений при отраслевых управлениях типа Управления судостроительной промышленности до местных эмиссаров министерства юстиции. Фрайдхейм пишет: «Не являясь новым методом в деле блокировки американского рабочего движения, шпио-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 464.

⁵ Цит. по: К. Ламонт. Свобода должна быть свободой на деле. М. 1958, стр. 110.

⁶ W. Preston. Op. cit., p. 60.

наж — со стороны как правительственных, так и частных организаций — возрос в огромных размерах во время войны. Один член ИРМ, как явствует из донесения тайного агента, присутствовавшего при этом, заявил в своей речи: «ИРМ намеревается применить новую тактику в стачечной борьбе. Ну а теперь, сидящие здесь сотрудники секретной службы и детективы, выкладывайте бумагу и карандаши и записывайте все, что я скажу...» И те, к кому были обращены эти слова, так и поступали!»⁷. В пе­строй социальной среде США было нетрудно найти сотни людей, околпаченных шовинистическим угаром или измученных безработицей и скитаниями, которые за известную мзду соглашались вести слежку и тайное дознание в рабочих организациях. Часть же иммигрантов откровенно рассматривала донос как самое доступное средство заработать вид на жительство и вообще выбиться в люди. И все же это был не главный источник. Полицейские ищейки набирались преимущественно из числа мошенников высшей и низшей квалификации, банкротов, неврастеников, воров и вообще людей с темным прошлым. Многочисленные частные тайные осведомители, обслуживавшие корпорации, взялись поставлять министру юстиции дополнительную информацию. Правительственные агенты проникали в низовые звенья прогрессивных рабочих организаций и вели сбор информации самого различного характера, главным образом с тем, чтобы дать федеральным властям легальные основания для преследований. Четко сознавая эту «сверхзадачу», предприимчивые осведомители нередко разукрашивали свои донесения такими подробностями, которые должны были убедить самых толстокожих в близости катастрофы и исключительной полезности доносов. Некоторые из них, принимая позу пламенных борцов за пролетарское дело, добивались избрания на руководящие посты в рабочих организациях. Фрайдхейм в своей книге приводит отрывок из донесения агента № 172, сообщавшего высшим промышленным кругам Сизлта о своих успехах в надувательстве доверчивых членов рабочих союзов. «Я теперь, — писал он, — занимаю более выгодное положение в профсоюзе, дающее возможность получать информацию из первых рук и таким образом лучше соответствовать своему назначению»⁸.

Довольно скоро федеральная политическая полиция приобрела немалый опыт борьбы со свободомыслием методом внутренних диверсий, рассчитанной клеветы и массовых облав на «неблагонадежных» граждан. Операции Бюро расследований были расценены в высших сферах как примеры блистательного выполнения долга перед всем обществом. В первую очередь это относилось к выявлению лиц, уклонявшихся от воинской повинности в 1916—1917 годах. Размах операции и способы ее проведения затмевали все известное ранее в США. Во многих городах агенты Бюро в сотрудничестве с местной полицией и воинскими командами организовали массовые уличные облавы. Аресту подвергались случайные прохожие на улицах, сонные обыватели и даже участники свадебных церемоний, включая оркестрантов. Кое-где подозревавшихся в дезертирстве, скованных цепями, прогоняли по улицам городов. Большинство публики, оглушенное воплями о немецких шпионах и политических оборотнях, подрывавших веру американцев в их «священный долг» нацепить на себя мундир и отправиться умирать на поля Франции во имя «высоких моральных стандартов», поначалу не уловило скрытый подтекст патристического фанфаронства. Но он вскоре обнаружился сам собой. Кампания велась против прямых и косвенных врагов политической устойчивости, подозревавшихся в покушении на авторитет власти. Ожесточенно нападая на тех, кто дерзновенно словом или делом ставил препоны «оборонительным» усилиям США, правительственная пропаганда метила главным образом в те элементы рабочего движения, которые строили свою деятельность на основе антиимпериалистических, интернационалистских принципов. В первую очередь удар пришелся по левому крылу социалистической партии, ИРМ, отдельным тред-юнионам АФТ. В ход была пущена версия о том, что ИРМ проводит саботаж на промышленных предприятиях в пользу германского кайзера и на «немецкое золото». Создалось такое положение, когда любая стачка, случись она по инициативе ИРМ даже на кондитерской фабрике, попадала под категорию вражеского заговора. Обоснованность подозрения была нарочито подчеркнута самим президентом Вильсоном, назначившим судью Гарри Ковингтона (члена Верховного суда округа Колумбия) обследовать бухгалтерские книги ИРМ. Узнав из печати о миссии Ковингтона, лидер ИРМ Билл Хейвуд публично пригласил его посетить штаб-квартиру ИРМ в Чикаго и обещал оказать ему всяческое содействие в ознакомлении с фактическим состоянием дел. Судья не снизошел до того, чтобы принять приглашение. Вместо этого 5 сентября 1917 г. Бюро расследований устроило одновременные облавы на помещения ИРМ на всей территории США. Цель, которую преследовало Бюро, заключалась не только в выведении из строя центрального аппарата ИРМ, но и в захвате официальной и частной переписки, стенограмм совещаний, списков членов местных организаций, пропагандистской литературы. Беззаконие, выразившееся в конфискации документов и литературы левых организаций, правильнее было бы назвать самой обычной кражей, разбоем. Общий вес награбленного имущества составлял около 5 тонн. Конфисковывались все подчистую, вплоть до мебели и пишущих машинок. Расчет был прост — лишить ИРМ материальных возможностей для продолжения дея-

⁷ R. L. Friedheim. Op. cit., p. 11.

⁸ Ibid., p. 188.

тельности. Захваченная пропагандистская литература и показания группы платных осведомителей о критических высказываниях членов ИРМ о правительственной политике и несостоятельности социальной системы послужили федеральным судам в Чикаго (штат Иллинойс), Сакраменто (штат Калифорния) и Уичито (штат Канзас) основанием для осуждения 184 руководителей и активистов ИРМ на срок от 3 до 20 лет тюремного заключения⁹.

В качестве подпоры федеральной секретной службы в борьбе с рабочим движением широко использовался аппарат Иммиграционного бюро министерства труда, а в удаленных промышленных округах — армейские части. Весной 1917 г. военное министерство направило командирам частей, дислоцированных в горнорудных штатах (Монтана, Аризона), изданную с ведома президента инструкцию «решительно подавлять действия, совершаемые с бунтарскими намерениями». Воинским начальникам разрешалось подвергать аресту членов рабочих организаций не только за «акты насилия», но и за иные действия, осуществляемые в соответствии с «заранее подготовленным планом, предполагающим насилие». Формулировка была достаточно эластичной, чтобы предоставить командирам частей полную свободу действий. Особая роль отводилась органам военной и военно-морской разведки, которые, действуя на территории США, организовали тайный фронт борьбы с внутренней крамолой по всем правилам военно-стратегического искусства. Отрывки из переписки офицеров разведки с центром, приводимые Престоном, напоминают донесения агентов, посланных в глубокий тыл коварного противника и действующих в сплошь вражеском окружении. Командующими военными округами предписывалось оказывать всяческое содействие местным властям и предпринимателям в подавлении рабочих волнений. Таким образом, в нарушение всех конституционных норм, предполагающих общародование для этой цели специальной декларации главы исполнительной власти или объявление тем же президентом чрезвычайного положения, армия присвоила себе юридические права гражданских судов на территории, где имели место обычные забастовки рабочих с использованием традиционных, вполне легальных форм борьбы.

Способность рассуждать не входила в число добродетелей, отличавших армейские чины. «Общественная невоздержанность» радикалов должна быть примерно наказана и искоренена вне зависимости от того, совместима она или несовместима с Биллем о правах. Именно так истолковали вашингтонские инструкции в штабах военных округов. Прямодушные воины, не предаваясь укорам гражданской совести, с размахом приступили к осуществлению операции. В штате Монтана солдаты захватили штаб-квартиру ИРМ и без предъявления каких-либо обвинений отправили рабочих лидеров в тюрьму. В штате Вашингтон воинские части совершали нападения на помещения ИРМ, разгоняли собрания рабочих, арестовывали профорганизаторов. Опасаясь всеобщей стачки в Спокане, регулярные войска провели карательную акцию в городе, закрыв центр ИРМ и арестовав его работников. Армия запретила «массовые сборища на улицах».

Благодарные власти штата заявили, что действия «воинских частей в Спокане оказали чрезвычайно благотворный эффект» на общую ситуацию. При этом армейское командование время от времени делало в оправдание такие публичные заявления, которые издевательски звучали по отношению к азбучным гражданским правам. Представитель военного министерства утверждал, например, что его подчиненные совершали «задержания, а не аресты, если говорить о технической стороне дела», и доказывал, что в распоряжении армии «не было времени ждать ордеров на аресты или действовать в законном порядке». Одним словом, некогда было разбираться в процессуальных тонкостях и предаваться мучительным раздумьям. На все упреки в нарушении конституционных норм армейские чины отвечали, что отказ войск производить эти незаконные «задержания» подтолкнул бы рабочих на такие выступления, с которыми было бы трудно совладать. Оправдательный вердикт своим действиям военное министерство усмотрело также в том, что «они дали результаты, получившие самый лестный отзыв состоятельных граждан... и позволили шахтам бесперебойно продолжать добычу медной руды и магнетита». В 1918 г. командование военных округов, с согласия вашингтонских властей, отбросив всякие церемонии, установило в районах добычи меди в штатах Аризона и Монтана фактический режим военной диктатуры, продлившийся вплоть до 1921 года. Когда военные власти сочли, что положение в горнодобывающих районах Аризоны стабилизировалось, в связи с чем, по их мнению, отпала необходимость в присутствии воинских соединений, гражданская администрация штата и владельцы рудников выразили сожаление по поводу эвакуации солдат.

С кислой миной восприняли и промышленники Монтаны весть о том, что армейские части снимаются с бивуаков, разбитых на территориях рудничных дворов, и удаляются в свои традиционные места расквартирования. Президент Торговой палаты в г. Бьютт писал, что до тех пор пока войска остаются на территории штата, «каждый бизнесмен... чувствует себя в абсолютной безопасности»¹⁰.

⁹ Ph. Taft. The Federal Trials of the IWW. «Labor History», Winter 1962, vol. 3, № 1, pp. 60, 61.

¹⁰ W. Preston. Op. cit., pp. 110, 112.

Забастовки 1919—1920 гг.— в особенности стачки горняков и сталелитейщиков — вызвали совершенно определенную реакцию военщины. Генеральный штаб, мыслящий категориями общенациональной катастрофы, требовал увеличения военной мощи, заявляя, что именно ей суждено будет сыграть роль «последней опоры правительства» в момент решающих испытаний. Были разработаны мобилизационные планы на случай возникновения революционного кризиса. В данном случае речь не может идти о простом пропагандистском трюкачестве, рассчитанном на то, чтобы вызвать оторопь у обывателя. Все эти планы держались в секрете и не доводились до сведения публики. В меморандуме начальника Оперативного управления начальнику Генерального штаба армии США от 11 ноября 1919 г. определялась последовательность превентивных и карательных мер в отношении возможных всплесков народных волнений. Командирам воинских частей в случае возникновения кризисной ситуации предписывалось: «Для выполнения задачи (речь идет о подавлении социальных волнений.— П. К.) и для того, чтобы внушить страх радикалам фактом превосходства в силе, важно обеспечить достаточную численность воинских контингентов; необходимо также быть готовыми полностью сокрушить более мелкие очаги неповиновения в различных частях страны. Следует стремиться сделать это одновременно и без большого кровопролития; необходимо быть в состоянии справиться с относительно большим числом радикалов в стратегически важных пунктах; быть готовыми к охране арсеналов и легкоуязвимых объектов; необходимо расквартировать войска в охваченных волнениями районах и не приступать к их эвакуации до тех пор, пока мир и спокойствие не будут восстановлены полностью»¹¹. Идеологическая обработка американцев, одетых в армейскую униформу, стала предметом особых забот высшего военного командования. Специально провели обследование политических убеждений солдат для выяснения их восприимчивости к радикальным идеям. В военных лагерях был установлен контроль за пропагандой подобных идей и проведены циклы лекций на тему о «лояльности» и т. д. Это дало «вплохие результаты». Как явствовало из донесения шефа контрразведки американской армии начальнику отдела военного планирования, распространение «радикальных идей в войсках было предотвращено»¹². Высшее командование американских вооруженных сил рекомендовало в дальнейшем с учетом русского и европейского опыта выработать программу обучения офицеров способам и средствам борьбы «с радикальными группами мятежников, пытающихся свергнуть американское правительство». В результате родился так называемый «Белый план» — практическое руководство для воинских начальников на случай широких рабочих волнений.

Но вернемся немного назад. Больше всех встревоженные ростом мятежных настроений среди рабочих, гражданские власти западных штатов с восторгом реагировали на инициативу федерального правительства и со своей стороны выдвинули грандиозную программу стерилизации рабочего движения на бесолокном Западе. В июле 1917 г. губернаторы западных штатов положили на стол президента Вильсона свой проект. Его центральная идея формулировалась следующим образом: «Те члены ИРМ, о которых имеются сведения как об участниках агитационных выступлений в пользу благоприятных экономических условий для рабочих, а также подготовки актов предательства (под этим понималась организация забастовок на предприятиях и на сельскохозяйственных плантациях.— П. К.)... не должны просто подвергаться временному заключению под стражу после предъявления обвинений, а подлежат интернированию на весь период войны — предпочтительнее в специальных лагерях, находящихся на известном удалении от места задержания. Осуществление этого плана позволит заморочить им голову и запугать их; а кроме того, даст возможность избежать ненужной огласки, которая в глазах публики делает из жертв полицейских санкций героев, и таким образом лишить их великолепной возможности для контрпропаганды»¹³.

Авторы проекта настаивали на немедленном претворении его в жизнь, но правительство Вильсона не решилось сразу же воспользоваться их советами. Общественный климат в стране этому еще не благоприятствовал. Вождедения «патриотически» настроенного мешанина, жаждущего истребления иноверцев и буруеваемого слепым и искусственно возбуждаемым порывом ненависти к врагам «американской системы», еще не достигли требуемых кондиций, хотя и неуклонно приближались к ним.

Но вот, наконец, сами события дали пищу для разжигания страстей. Осенью 1917 г. ИРМ начала широкую кампанию за организацию в профсоюзы рабочих-нефтяников в Канзасе и Оклахоме. Несмотря на репрессии, возросла активность прогрессивных элементов среди сельскохозяйственных рабочих Калифорнии. Буржуазная печать послешила связать это явление с революционными событиями в России. Публике внушалось, что нити гигантского заговора, угрожающего Америке хаосом и направленного против законного правительства, опутывают всю страну. Наиболее тревожные комментарии предпосылались сообщениям телеграфных агентств из «самого близкого к большевистской России» промышленного центра США — Сиэтла. Поводов для беспокойства у реакции было, конечно, достаточно, но вовсе не в том смысле, что здесь удалось обнаружить следы таинственных пришельцев из-за океана с секретными инструкциями Политбюро ЦК РСДРП(б) в кармане. Такого не было, хотя по страницам печати коче-

¹¹ Ibid., p. 245.

¹² Ibid., p. 244.

¹³ Ibid., p. 125.

вало немало домыслов на этот счет. Куда более серьезным и вполне реальным признаком надвигавшегося кризиса могла расцениваться вся система поведения сизтлских тред-юнионов, фактически отвергавших курс АФТ на классовое сотрудничество с капиталом. Вот что пишет Фрайдхейм: «Цели АФТ и рабочих Сизтла были диаметрально противоположны; представление федерации о месте рабочего в американском обществе не совпадало с тем, что думали на этот счет рабочие Сизтла. Рабочее движение в Сизтле причиняло лидерам АФТ бесконечные неприятности. Оно отстаивало такие требования, которые Самюэл Гомперс отвергал,— активное участие рабочего движения в политической жизни, организация профдвижения по производственному принципу, национализация основных отраслей. Рабочее движение в Сизтле носило настолько обособленный характер, что даже ИРМ рассматривала его как движение, у которого с АФТ существовали в значительной степени только формальные, а не идеологические связи»¹⁴.

Нет ничего удивительного, что федеральное правительство, местные власти и объединения промышленников, действуя в тесном контакте друг с другом, окружили рабочее движение специфическим вниманием, буквально настигивая его своей агентурой. Шпионы состояли на службе у администрации промышленных предприятий, правительства США и полуофициальных патриотических организаций. Самой активной и самой мощной была организация, называемая «минутмены» («часовые». — П. К.). В качестве местного отделения Американской лиги самообороны¹⁵ минутмены Сизтла имели 2500 осведомителей и агентов — провокаторов в местных рабочих союзах. Теоретически действуя под руководством министерства юстиции, минутмены фактически были бесконтрольны. Но, разумеется, основная «работа» была возложена на профессиональных осведомителей, которые поставляли не только подробнейшую информацию о повседневной жизни тред-юнионов Сизтла, но и давали характеристику различных течений, представленных в них, личных качеств и политической ориентации лидеров, их планов и т. д. Фрайдхейм, натолкнувшийся на комплект донесений тайных агентов в библиотеке штата Вашингтон, отмечает хорошо натренированный педантизм отдельных агентов, не оставляющий без внимания ни одной мелочи, и одновременно бьющую в глаза предвзятость в общих оценках, свойственную почти всем платным осведомителям¹⁶. В целом же картина разворачивавшихся событий явно не соответствовала представлению о честном противоборстве. Наоборот, она напоминала боевые действия, в ходе которых одна сторона стремится осилить противника, маневрируя практически вслепую и полагаясь только на собственные силы, интуицию и надежду, а другая прибегает к вероломным приемам: насаждению сзади, подножкам и внутренним диверсиям.

В начале 1918 г. в Сизтле появляется специальный эмиссар федерального правительства Кларенс Римс, призванный скоординировать разрозненные усилия местной реакции. Рассудительность и степенность отличали его натуру. Враг поспешности и самодельности, Римс нашел методику, применяемую стражами порядка в Сизтле, нигде не годной. «Когда я прибыл в Сизтл,— доносил он министру юстиции,— каждый представитель власти — будь то федеральный или местный чиновник, включая даже департамент пожарной охраны и все добровольные организации гражданского населения (речь идет о многочисленных «патриотических» объединениях. — П. К.) — присвоил себе право бесцеремонно брать под стражу как натурализованных граждан, так и иммигрантов и заточать их в тюрьмы, где они томилась в ожидании расследования»¹⁷. Римс решил навести в этом деле «порядок». Действуя по мандату федерального правительства, он сосредоточил в своих руках руководство и приступил со свойственной ему деловитостью к осуществлению плана ликвидации очагов неповиновения на Северо-Западе. В основных чертах этот план совпадал с предложениями губернаторов западных штатов. Соединение усилий федеральных агентов, местных лесопромышленников, железнодорожных компаний и военной контрразведки должно было обеспечить планомерное выявление, арест и принудительную депортацию за пределы США тысяч рабочих, подозреваемых в симпатиях к левым организациям.

Используя неограниченный кредит местных лесопромышленников, представители министерства юстиции и Иммиграционного бюро министерства труда в кратчайший срок создали в штате Вашингтон концентрационные лагеря, способные одновременно вместить тысячи заключенных. Промышленники наперебой предлагали свои услуги, предоставляя обширные участки земли под будущие резервации для радикалов. Вся «хозяйственная» деятельность протекала под покровом абсолютной тайны. В ходе ее, однако, не мог не возникнуть один щекотливый вопрос, связанный с лишением свободы сотен и тысяч людей, в поведении которых самый придирчивый блюститель порядка не смог бы обнаружить *corpus delicti* (состава преступления). В поисках выхода министерство юстиции предложило, как оно полагало, оптимальное решение этой задачи. В трактовке юрисконсультов политической полиции закон о шпионаже вовсе не тре-

¹⁴ R. L. Friedheim. Op. cit., p. 27.

¹⁵ Эта организация была сформирована в 1917 г. по инициативе министерства юстиции и группы особо «бдительных» граждан. Она находилась фактически в прямом подчинении у политической полиции и составляла ее, так сказать, «народную силу», насчитывая около 250 тыс. человек.

¹⁶ R. L. Friedheim. The Seattle Shipyard Strike. «Labor History», Spring 1965, vol. 6, №2, pp. 136, 137.

¹⁷ W. Preston. Op. cit., p. 161.

бовал наличия состава преступления, а являлся чисто политическим актом, в котором категория заговора являлась только предлогом для того, чтобы «законным» путем избавиться от вольнодумцев. Таким образом, чтобы оказаться вне закона, отнюдь не требовалось быть уличенным в каких-либо антиобщественных действиях, противоречащих конституционным установлениям. Достаточно было быть заподозренным в сочувствии взглядам, сходным с теми, которые разделяли те или иные общественные организации, находившиеся в оппозиции к правительству. Доктрина признания ответственности за связи, впервые получившая широкое применение в сизтлском эпизоде, стала вытеснять юридическую концепцию, в основе которой лежит признание личного характера вины за какое-то конкретное преступление против закона. Еще одно новшество состояло в том, что Римс и его коллеги отвергли соображения о возможности рассмотрения индивидуальных дел в обычном судебном порядке. Масштабы планируемой операции и ее характер делали, по их мнению, немыслимой подобную процедуру.

В феврале 1918 г. Бюро расследований в содружестве с иммиграционными властями, подчиненными министерству труда, приступило к массовым арестам. В несколько дней места заключения в самом Сизтле оказались буквально забитыми арестованными людьми. Сотни их были направлены партиями в тюрьмы других графств — Элленбург, Якима, Валла-Валла. Но еще до того как кампания была закончена, «емкости» мест принудительного заключения были исчерпаны полностью — некуда было сажать. Трагвия в Сизтле, ставшая прелюдией и одной из причин возникновения всеобщей стачки в феврале 1919 г., была своеобразным этапом в эскалации массовых репрессий. Престон пишет: «Антирадикальная истерия в одном городе, сопровождаемая преследованием левых элементов, воплотила в себе все черты общего процесса, проходившего в масштабах всей страны. Коммунисты из числа лиц иностранного происхождения, подвергшиеся арестам в ходе знаменитых пальмеровских облав 1920 г., наверняка никогда не слышали о преподобном Марке Мэтьюзе (один из тех, кто требовал расстрелов для «бунтовщиков». — П. К.) или комиссаре министерства труда Генри Уайте (ближайший сотрудник Римса, выступавший за крайние меры пресечения всякой политической активности со стороны рабочих Сизтла. — П. К.). Тем не менее эти два человека символизировали комплекс опасений и давление заинтересованных элементов, давших толчок целой цепи событий, воплотившихся в так называемой эпохе «красного ужаса»¹⁸.

В такой обстановке правительство Вильсона, действуя в силу собственных убеждений и побуждаемое извне «разжиревшим классом», твердо решило противодействовать любой попытке со стороны рабочих выступить с инициативой самостоятельных действий, хотя бы отдаленно напоминающих политический вызов буржуазии. В этот период мероприятия правительства Вильсона в области внутренней политики, как писал В. И. Ленин, приравнивали демократию Америки к «военно-деспотической Германии»¹⁹. В мае 1918 г. Конгресс США принял поправку к «Закону о шпионаже», грозящую двадцатилетним тюремным заключением каждому, кто «высказывается устно или письменно в неалялом, хулиганском, грубом или оскорбительном тоне о форме государственной власти в США, или в отношении конституции США, или в отношении их вооруженных сил, будь то с целью... поощрить сопротивление Соединенным Штатам или способствовать успеху их врагов». А в октябре того же года был принят новый закон об иммигрантах, согласно которому запрещался въезд в США иммигрантов, «помышляющих о насильственном низвержении правительства США», и предусматривалась принудительная высылка таковых, если они к моменту вхождения закона в силу находились на территории США. Министерство юстиции и Бюро расследований тем самым получили легальное основание для давно вынашиваемого всеобщего похода против радикализма. Начало новой фазы «охоты на ведьм» также связано с событиями, которые можно отнести к разновидности целенаправленных мистификаций, используемых в США всегда, когда требуется сыграть на эмоциях и предрассудках политически отсталых слоев населения. Этот способ увековечен — он стал достоянием корпуса дозорщиков внутренней крамолы в США.

В один из сентябрьских дней 1918 г. в здании федеральных властей в Чикаго взорвалась бомба, убив четырех чиновников и многих ранив. Еще курились дымом обломки разрушений, а Бюро расследований поспешило объявить о том, что виновниками кровавой драмы являются члены ИРМ. В момент взрыва арестованная незадолго до этого группа лидеров ИРМ находилась в том же здании и только случайно избежала гибели, но это не смутило расследователей, которые отнесли этот факт за счет несогласованности действий злоумышленников.

До сегодняшнего дня преступление осталось нераскрытым. Никто не был осужден, и все же убийство было объявлено делом рук революционных элементов. Прошло несколько месяцев, и ранней весной 1919 г. Америка столкнулась с фактом еще более бесчеловечного умысла подпольных террористов. 28 апреля в адрес мэра города Сизтла Оле Хансена, сыгравшего немалую роль в срыве всеобщей стачки в этом городе, была получена почтовая посылка, завернутая в красную бумагу с надписью «новинка». Сверток долгое время нетронутым пролежал на столе в доме мэра, пока его начинка не дала себя знать подозрительной утечкой и специфическим запахом. «Новинка»

¹⁸ Ibid., p. 180.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 159

оказалась самодельной бомбой, срабатывающей от первого прикосновения. На сей раз преступление удалось предотвратить, но на следующий день трагическая участь постигла служанку отставного сенатора Томаса Хардуика. Бомба, тщательно упакованная в небольшой сверток, взорвалась у нее в руках, искалечив женщину и нанеся ожоги супруге сенатора. Никто не мог объяснить, какая связь существует между этими двумя покушениями. Хансен был известен как ярый враг рабочих, а почтенный Хардуик, напротив, слыл либералом и к тому же давно не принимал заметного участия в политической жизни. Сам счастливо избежавший смертельной опасности, сенатор не мог понять, почему именно он был избран жертвой.

Наутро происшествие в Атланте, где жил престарелый сенатор, стало мрачной сенсацией дня. В Нью-Йорке молодой почтовый служащий Чарльз Каплан, прочитав об этом по дороге домой в метро и вспомнив, что он задержал 16 точно таких же пакетов из-за неполных данных в адресах, сломя голову бросился назад и извещил о своей кошмарной догадке полицию. Как выяснилось, во всех пакетах, предназначавшихся для чиновников различных рангов, содержались смертоносные заряды. С помощью почтового ведомства полиция по всей стране выявила много подобных же «подарков». Хардуику, а вместе с ним и многим другим людям, благодаря случаю или собственной бдительности избежавшим несчастья, осталось сокрушаться и недоумевать до конца дней своих, что же касается министерства юстиции и его специальных служб, то у них был заранее заготовленный ответ. Публике было дано понять, что целью чудовищного заговора, нити от которого вели к «эmissарам большевистского лидера Ленина», было уничтожение федеральных чиновников и в конечном счете свержение правительства. Ожесточение, охватившее состоятельные слои, панический страх перед невидимым убийцей, подстерегающим каждого в почтовой посылке, многим помогли осознать всю важность миссии Бюро расследований, не растерявшегося при выполнении святого долга защиты жизни граждан Америки. В нервной обстановке как-то сами собой растворились сомнения по поводу странного выбора жертв, предназначенных убийцами на заклание. Многие чиновники, для которых была уготовлена насильственная смерть, оказались из числа тех, кто пользовался у местных реакционеров и агентов Бюро расследований дурной репутацией либералов и даже радикально настроенных граждан. Цель, которую добивались террористы попыткой их устранения, была просто непостижима. В глаза бросалась и другая несообразность. Выяснилось, что многие взрывающиеся посылки попали в дома и конторы мелкой чиновничьей сошки и к малозаметным дельцам, в то время как чиновники высшего ранга, чье уничтожение, казалось, должно было стать вождященной мечтой «кровожадных революционеров», не оказались внесенными в список смертников. По-видимому, последнее соображение смутило и невидимую мафию, решившую сделать покушения более обоснованными. И вот 3 июня 1919 г. газеты аршинными заголовками оповестили своих читателей, что судный день грядет: террористы приняли за уничтожение звезд первой величины на политическом небосклоне США, таких, например, как вновь назначенный министр юстиции М. Пальмер. Правда, серия бомб, разорвавшихся в один и тот же вечер и в один и тот же час 2 июня 1919 г. в Бостоне, Кливленде, Питтсбурге и ряде других городов, ничем не отличалась от предыдущих, но покушение на Пальмера в Вашингтоне должно было одновременно и потрясти американцев и окончательно снять покров загадочности, окутывавший намерения заговорщиков. Все становилось на свои места: истребление членов государственного аппарата с целью сделать страну неуправляемой принимало методический характер, и американцы должны были приготовиться к предстоящим событиям.

Подробности покушения на Пальмера леденили кровь. Убийца по прихоти случая не смог проникнуть дальше крыльца дома министра юстиции. Механизм бомбы неизвестно почему сработал раньше срока, и внушительной силы взрыв разорвал ночную тишину. Нанеся значительный материальный ущерб особняку Пальмера, он оставил невредимыми его обитателей. Единственной (условно единственной) жертвой взрыва был сам покушавшийся, опознать которого так и не удалось, — настолько деформированы были его останки. Впрочем, среди разбросанных взрывом частей человеческого тела и одежды первоначально было найдено две левые ноги и две шляпы, но полиция впоследствии отвергла эту версию и настаивала на том, что покушение было совершено одним лицом²⁰. Погибший позаботился также о том, чтобы оставить

²⁰ Эта версия полиции (явно стремившейся к упрощению всей ситуации), несмотря на ее неубедительность, со временем приобрела характер устойчивого представления. Многие маститые историки повторяют ее в своих работах и сейчас (см. например, W. E. Leuchtenburg. *The Peril of Prosperity, 1914—1932*. Chicago. 1958, p. 72). Но, с другой стороны, по-видимому, за давностью лет (надо признать, довольно неосторожно) ФБР решило отказаться от неуклюжих и противоречивых объяснений, сделанных сразу же после неудавшегося покушения. Во всяком случае, Уайтхед совершенно определенно пишет о двух заговорщиках (Don Whitehead. *Op. cit.*, p. 40). Но тогда почему же, располагая вполне достаточным количеством улик, стражи порядка не смогли напасть на след заговорщиков? Не является ли справедливой догадка социалистического еженедельника «Liberator», писавшего тогда, что причиной непоимки преступных исполнителей этой широкой операции является незантересованность каких-то важных персон в их разоблачении.

на месте взрыва целый памфлет ультрареволюционного содержания, который облегчил Бюро расследований установить факт принадлежности незадачливого террориста к анархистской организации, ставившей целью уничтожить представителей исполнительной власти самого высокого ранга и оставить страну беззащитной перед лицом внутренней смуты. Но, увы, подлинные организаторы покушения так и не были раскрыты. Объяснения представителей Бюро расследований и полиции порождали больше вопросов, чем ответов, но, впрочем, тогда это воспринималось многими уже как нечто второстепенное. Лихорадочный поиск таинственного синдиката убийц, заранее отождествляемого с поисками «красных» и радикалов, буквально гипнотизировал воображение рядового налогоплательщика. Он с легкостью согласился на увеличение аппарата Бюро расследований и финансовых дотаций на его операции. Одновременно при Бюро был создан новый орган — Главный расследовательский отдел (ГРО), призванный заниматься исключительно политическим сыском. ГРО вскоре превратился в своеобразное сверхагентство по борьбе с оппозицией официальному курсу. Реорганизация Бюро и выделение в нем специального ведомства связаны также с выдвинутым на передний план Эдгара Гувера, назначенного 1 августа 1919 г., несмотря на его молодость (ему тогда было 24 года), главой ГРО. «Молодой Гувер, — пишет Уайтхед, — получил задание обстоятельно изучить характер подрывной деятельности на территории США, определить ее размеры и сделать рекомендации в отношении того, какие должны быть приняты меры к ее пресечению»²¹.

Гувер слыл расторопным, наделенным большим усердием к службе чиновником. Но скорее всего не это, или, лучше сказать, не только это, вознесло недавнего скромного клерка в отделе каталогизации Библиотеки Конгресса до кресла руководителя одного из ключевых отделов Бюро расследований. Иные его качества привлекли внимание тех, от кого зависело быстрое возвышение рядового агента Бюро расследований по служебной лестнице. Карьера Гувера содействовала его необычайная политическая предприимчивость, весь его нравственный облик, соответствующий представлению его патронов о непреклонном суперпатриоте, готовом вцепиться в глотку каждому, кто посягает на философию силы, энергии и прогресса «величайшей расы на земле». Ни тогдашний шеф Бюро расследований Бьеласки, ни сам министр юстиции Грегори (предшественник Пальмера) не могли оставить незамеченным человека, прославившего аскетом, борющегося с соблазнами мира, честного (по нормам налогового агента), ставшего повинование в первую добродетель людскую. Помимо этого, Гувер выделялся пропагандистскими способностями, особым даром плоской, но запоминающейся антирадикальной декламации, умением пользоваться извращенными представлениями обывателя о каждом, кто своими идеалами сделал служение обездоленной части общества. Выяснилось, что Гувер умеет хорошо приспособиться к низкопробной нравственности американского мещанина, внутренне убежденного в злопыхательстве ближнего, коварстве и завистливости отверженных классов, готового видеть в каждом острослове и мечтателе угрозу для удобного ему общественного уклада, венцом мироздания считающего биржевого маклера, агента по продаже недвижимости и пронзливую коммивояжера. Гувер сам был плоть от плоти этой породы американцев. Воспитанный в строгости немецко-ирландской семьи потомственного вашингтонского чиновника, вышколенный службой в министерстве юстиции, Гувер развил заложенные в нем способности, не срезжая с битой и торной колеи антикоммунизма, добиваясь честолюбивых целей угодничеством и вероломством пополам с двоедушием и самовосхвалением. Гувер понимал, что апеллируя к морали рыцарей торговской номенклатуры, пробуждая в них священную ярость против притязаний неимущих слоев общества, можно создать лучшие условия для политики репрессий, направленной против вполне конкретного противника. Это объясняет, почему Бюро расследований уже в 1917—1919 гг., оставаясь правительственным учреждением, превратилось в крупнейший пропагандистский центр, а Гувер — в вездущего «теоретика» и практика антирадикализма.

На фоне мелких полицейских ничтожеств Гувер выглядел человеком дела. Он стал в известном смысле «новатором» в отработке специфических приемов выслеживания политической «измены». Ему Бюро расследований обязано созданием огромного архива из конфискованной незаконным путем литературы, произвольно манипулируя которой секретная служба фабриковала свои политические приговоры. Навыки каталогизатора позволили Гуверу внедрить принципы систематизации «компрометирующих» данных на неблагонадежных (по стандартам министерства юстиции) лиц и тем самым способствовали совершенствованию системы политического преследования в ее наиболее опасной форме. В Бюро расследований была заведена огромная картотека, куда, по словам самого Гувера, заносились имена индивидуальных лиц, а также организаций и обществ. «Согласно первым официальным сведениям, обнародованным Главным расследовательским отделом, — пишет Ловенталь, — в картотеку было занесено 100 тыс. радикалов; согласно следующим данным, опубликованным через два месяца, в ней числилось 200 тыс. человек; через год отдел заявил о том, что в его картотеке содержатся сведения о 450 тыс. человек. В течение двух с половиной лет отдел занес в свою картотеку около полумиллиона человек, подвергнутых «инвентаризации» в качестве опасных американцев»²². В досье заносились имена рабочих,

²¹ Don Whitehead. Op. cit., p. 41.

²² M. Lowenthal. Op. cit., p. 91.

общественных деятелей, активистов иммиграционных землячеств, журналистов, писателей, художников, редакторов и издателей. Рационализация системы политического сыска, относящаяся к этому периоду, выразилась также в появлении специальной службы анализа, в задачу которой входило обобщение информации, собираемой из различных легальных источников, главным образом из материалов печати. «В течение трех с половиной месяцев своего существования Главный расследовательский отдел собрал и обработал библиографические данные на более чем 600 тыс. лиц и получил также массу заявлений на известных преподавателей и писателей. Он располагал штатом в 40 переводчиков и референтов, которые просматривали ежедневно около 500 газет, издаваемых на иностранных языках в США и за рубежом, извлекая из них сведения о радикальной пропаганде»²³.

Усилия ГРО были сосредоточены на том, чтобы лишить боеспособности рабочее движение путем разгрома его авангарда. Целью ставилась изоляция не только классово сознательных элементов, но и вообще людей, не согласных с навязываемой рабочему классу установкой на покорность буржуазии. Естественно, особым вниманием отдела Гувера пользовались ИРМ, компартия США, прогрессивные элементы в профсоюзах. Большие надежды ГРО связывал с шумихой вокруг террористических актов. У Бюро расследований, как полагали его руководители, были основания для благоприятных прогнозов: удалось обеспечить важное условие успеха — широкие слои населения на какое-то время оказались опутанными ложью и под воздействием антирадикальных заклинаний капитулировали перед напором реакции. Здравый смысл уступил место общественному психозу, рассудочность — слепой вере в прорицания профессиональных клеветников. Английский журналист А. Гардинер в своей книге, изданной в 1926 г., следующим образом характеризовал атмосферу в стране в 1919 г.: «Каждый, кто был в Соединенных Штатах осенью 1919 г., как это случилось со мной, не забудет лихорадочного состояния тогдашнего общественного мнения... Все это напоминало кошмарный сон, наполненный тысячами призраков разрушения. Класс собственников переживал агонию страха, и любые невинные отклонения от общепринятых представлений нарекались словом «радикальный» и им приписывались самые зловещие намерения. «Америка, — как сказал тогда один известный остролов, — является страной свободы — свободы шагать в ногу»²⁴.

В этой обстановке ГРО и его новый директор не ломали себе слишком долго голову над тем, как положить конец затянувшемуся размышлением публики над тайной взрывающихся сысков. Решено было действовать по шаблону. И вот вскоре агенты Бюро расследований производят в Нью-Йорке в конце февраля 1920 г. самовольный арест рабочего-печатника Андреа Салседо, иммигрировавшего в США из Италии. Вместе с ним на тех же основаниях, то есть формально по подозрению в соучастии в террористических актах, был арестован и некий Роберто Элия. Оба они содержались под строгой охраной в помещении филиала Бюро расследований в Нью-Йорке на Парк-Роуд, 15, оставаясь на «попечении» тайной полиции в течение 8 недель. Парируя впоследствии критические нарекания в свой адрес в связи с незаконным распространением на Салседо тюремного режима, руководство Бюро объясняло это «добровольным» (?) волеизъявлением своего подопечного. Заточение, стало быть, было произведено по собственному желанию. Но гостеприимство Бюро расследований оказалось для Салседо, по-видимому, иного рода, чем он, если верить официальной версии, мог ожидать. Ф. Кук приводит свидетельство Элия о том, что Салседо рассказывал ему о страшных побоях, которым он подвергался на допросах. Не в силах переносить эту пытку, для того, чтобы облегчить свою участь, Салседо, по словам Элия, был готов признать себя виновным в преступлении, которого он никогда не совершал. В конце концов Салседо так и сделал, объявив, что именно он тайно печатал анархистские листовки, прилагаемые к бомбам²⁵. Бюро расследований, торжествуя, сообщило представителям печати, что оно напало на след. Но вопреки логике и всем ожиданиям дальше никаких разоблачений не последовало. Похоже было на то, что, удовлетворив свое любопытство, агенты Бюро решили устроить себе передышку, не торопясь с практическими выводами из имеющейся у них информации.

И хотя пересуды вокруг личности Салседо не прекращались, Бюро расследований не проявляло никаких признаков деятельности до тех пор, пока 3 мая 1920 г. утренние газеты не сообщили, что преступник покончил с собой, выбросившись ночью из окна своей камеры на четырнадцатом этаже здания, занимаемого филиалом Бюро расследований в Нью-Йорке. От удара о землю тело Салседо превратилось в бесформенную массу, что делало любое его освидетельствование бессмысленным. Объявив о случившемся корреспондентам, глава нью-йоркского отдела Бюро расследований заявил, недоуменно пожимая плечами: «Его внезапное решение... покончить с собой войдет в анналы антирадикального розыска как «необъяснимое». Немного погодя Бюро подготовило специальный меморандум, в котором без приведения сколько-нибудь веских доказательств заявляло о связях Салседо с террористами и выражало сожаление по поводу того, что правосудие в результате отчаянного шага Салседо лишилось главного

²³ «Congressional Record». Vol. 87, part 12, Appendix, p. 2470.

²⁴ A. C. Gardiner. Portraits and Portents. N. Y. 1926.

²⁵ F. J. Cook. Op. cit., p. 111.

источника информации²⁶. Доклад Бюро получил широкую огласку и многочисленные комментарии проправительственной прессы, которые не должны были оставить у публики сомнений в отношении причастности Салседо к преступным замыслам архиревольционеров и причинах его трагической гибели. Органы печати, формировавшие общественное мнение, оставили без внимания важные детали рассказа напарника Салседо по камере—Элия. Большинство казалось, что сведения, сообщенные Элией, ничего не прибавляют к уже известной сумме «достоверных» фактов. К тому же у последнего не было возможности настаивать на своей версии, тем более, что сразу же после освобождения из-под стражи он был передан Иммиграционному бюро и без промедления выслан за пределы США. Элия, оказавшись, заявил, что, проснувшись в утро гибели своего сотоварища по заключению и найдя его койку пустой, он сразу же почувствовал недоброе. Однако ему не удалось долго размышлять по поводу отсутствия Салседо, так как вошел дежурный надзиратель и с тоном, каким объявляют о повседневных мелочах, заявил: «Ваш компаньон мертв. Он выбросился из окна». «Кажется невероятным,— резюмирует Кук,— что Элия мог оставаться спящим в момент самоубийства своего товарища (если это было самоубийство) или во время той суматохи, которая почти наверняка должна была бы всполошить всех, едва только тело Салседо было обнаружено на тротуаре. Можно ли предположить, что агенты Бюро не бросились в комнату, где содержались оба арестованных с тем, чтобы выяснить, что же случилось?.. Тщательнее, ничем не вызванное извне пробуждение, почти обычное замечание надзирателя по поводу того, что один из задержанных выбросился из окна,— ничто не кажется даже слабо достоверным»²⁷.

Но тогда трагическая гибель «убоявшегося возмездия» участника многочисленных преступлений и хранителя их тайн показалась публике очень правдоподобной, реплики сомневающихся не поколебали общей убежденности в правильности версии Бюро расследований. Лишь в организованном рабочем движении раздавались голоса протеста. Даже представитель АФТ, выступая в комиссии по юридическим вопросам палаты представителей, был весьма категоричен в своих выводах. «При царизме в России,— говорил он,— подобные вещи были самым обычным делом... Полиция создавала и разоблачала тайные заговоры каждый день. Я не хочу сказать, что наша секретная служба делает то же самое, но существует бросающаяся в глаза аналогия между тем, что случалось во времена русского царизма, и событиями, с которыми связано имя учреждения, называемого министерством юстиции Соединенных Штатов»²⁸. Рабочая печать, прогрессивная часть общественности, не давшие себя запугать «красным призраком», сходились на том, что внутренняя реакция, играя на предубеждениях, царивших в мелкобуржуазных слоях населения США, искусственно драматизируя события в целях возбуждения страстей, метит в демократию и гражданские свободы в США. «Пороховой бизнес» 1918—1919 гг. ставился в один ряд с другими «шедеврами» полнейших провокаций.

В свете всего предшествующего и главным образом последующего гибель Салседо не должна рассматриваться обособленно. Еще тогда, когда Салседо томился под надзором сыщиков Бюро расследований, по поручению радикально настроенных итальянских рабочих Массачусетса в город приехал их представитель с намерением узнать об обстоятельствах таинственного ареста. Это было в конце апреля 1920 года. По-видимому, поиски только подтвердили версию о незаконных и провокационных действиях охраны. Ждали худшего. И вот 4 мая в Бостон пришла весть о том, что Салседо умер в результате загадочного падения с четырнадцатого этажа. Но пребывание в Нью-Йорке правдолюбца, в котором нетрудно было узнать итальянца, не могло остаться незамеченным для агентов министерства юстиции. Едва ли это было простым совпадением, когда он и его товарищ были арестованы в трамвае полицией г. Броктона (штат Массачусетс) за несколько дней до митинга протеста против расправы над Салседо. День ареста—5 мая 1920 года. Имена арестованных— Ванцетти (тогда самый, кто приезжал в Нью-Йорк) и Сакко. Так было положено начало ужасающей несправедливости и преступлению, из-за которого, по словам выдающегося американского демократа Уильяма Уайта, «США потеряли свой престиж в глазах миллионов во всем мире». Когда-нибудь станут известны все подробности участия федеральной политической полиции в умерщвлении двух революционно настроенных рабочих-иммигрантов, вина которых перед американским законом никогда не была доказана. Бюро расследований тщательно замело все следы своей причастности к делу, хотя есть весьма авторитетные свидетельства о наличии в архивах министерства юстиции специального досье на Сакко и Ванцетти²⁹. Одно несомненно: оба они пали жертвой той антирадикальной, «красной» истерии, которая всемерно раздувалась тайной полицией, прочно захватившей политическую инициативу в стране.

²⁶ M. Lowenthal. Op. cit., p. 74; F. J. Cook. Op. cit., p. 114.

²⁷ F. J. Cook. Op. cit., p. 112.

²⁸ Г. Луис Джаугин, Эдмунд М. Морган. Наследие Сакко и Ванцетти. М. 1959, стр. 35.

²⁹ Там же, стр. 383, 389.

(Окончание следует).